

№ 10

1946

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1946

В Ы П У С К

X (XXXIV)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

Москва - 1947

МАЙ 1948

СОДЕРЖАНИЕ

Руководящее указание Пленума Верховного Суда СССР	3
Постановления Пленума Верховного Суда СССР по отдельным делам	4
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР	23

Цена 1 руб.

Редактор *М.М. Левина*. Подписано к печати 7/IV 1947 г. Печ. л. 2.
Уч.-изд. л. 2,9. В печ. л. 69296 зн. Л 85740. Зак. 429. Тираж 25 000.

Типография. Москва, ул. Чехова, 6.

РУКОВОДЯЩЕЕ УКАЗАНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

О порядке рассмотрения дел о взыскании возмещения за ущерб с лиц, виновных в гибели застрахованных животных

Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г. № 16/10/у

Закон об обязательном окладном страховании от 4 апреля 1940 г. (ст. 41) предоставляет Госстраху право предъявлять через народный суд иски о взыскании выплаченных сумм страхового вознаграждения с лиц, виновных в гибели или повреждении застрахованного имущества.

Согласно ст. 395 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик к Госстраху, уплатившему страховое вознаграждение за имущество, застрахованное по договорам добровольного страхования, переходят в пределах этой суммы все притязания и права, которые имеет страхователь или выгодоприобретатель к третьим лицам о возмещении им тех убытков, на покрытие которых выдана страховая сумма.

Вместе с тем правления колхозов, со своей стороны, также обязаны предъявлять к лицам, виновным в гибели животных, иски о возмещении убытков.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 12 мая 1943 г. № 510 «О мероприятиях по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах», обязывает правления колхозов предъявлять к лицам, виновным в гибели лошадей, иски о возмещении убытков в размере трехкратной стоимости лошадей по заготовительным ценам.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 9 января 1944 г. № 31 «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам», обязывает правления колхозов предъявлять к лицам, виновным в гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, иски в размере трехкратной стоимости скота (по предельно-закупочным ценам, а племенной скот — по ценам на племенной скот).

В связи с этим Министр юстиции СССР поставил перед Пленумом Верховного суда СССР вопрос о даче судам соответствующих указаний о порядке рассмотрения этих дел.

Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Суды при рассмотрении исков колхозов о возмещении ущерба, причиненного гибелью застрахованных в Госстрахе животных, должны привлекать к участию в деле органы Госстраха.
2. Органы Госстраха привлекаются к участию в деле, как при предъявлении колхозом гражданского иска в уголовном процессе, так и при предъявлении иска в порядке гражданского судопроизводства.
3. В тех случаях, когда Госстрах выплатил колхозу страховое возмещение в сумме равной или более высокой, чем стоимость скота, предусмотренная постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. № 510 и СНК СССР

от 9 января 1944 г. № 31, взыскание за ущерб, причиненный гибелью животного, присуждается полностью в пользу Госстраха.

4. Если же выплаченная Госстрахом сумма ниже указанной стоимости животного, в пользу Госстраха присуждается выплата им колхозу сумма, а разница между стоимостью животного и этой суммой присуждается в пользу колхоза.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. Преступное использование должностным лицом своего служебного положения, повлекшее незаконный переход социалистической собственности в пользу этого лица или в пользу третьих лиц с ведома и при служебном содействии данного лица, должно квалифицироваться при наличии отягчающих обстоятельств по закону от 7 августа 1932 г.

Дело Токарева. Постановление от 22 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Юго-Западной ж. д. от 10 ноября 1945 г. бывший уполномоченный Союзтрансоргнабора НКПС по УССР Токарев был осужден по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества.

Вместе с тем, суд постановил в порядке возмещения ущерба взыскать с осужденного в пользу: 1) Нежинского засолочного завода—60 480 руб.; 2) Черниговского Облпотребсоюза—165 000 руб.; 3) уполномоченного в/о «Кожсырьеобработка» в городе Киеве — 350 000 руб.; 4) Украинской республиканской конторы Главсоли — 397 000 руб. Кроме того, постановлено взыскать солидарно с Токарева и второго осужденного по настоящему делу Лемешенко в пользу конторы Союзтрансоргнабор НКПС по УССР—84 755 руб. Всего, таким образом, постановлено взыскать 1 057 235 руб.

Приговором по настоящему делу установлено, что Токарев на протяжении августа—декабря 1944 г. обманным путем, под предлогом засолки овощей, получил в разных хозяйственных организациях 29 тонн соли, из коих похитил 21 058 кг, причинив ущерб государству на сумму 1 057 235 руб. Конкретно Токареву инкриминируются следующие операции:

а) 15 августа 1944 г. Токарев, через скрывшегося Кроленко, получил из Укртрансоргнаба 5 тонн соли, которая не была оприходована и частично свезена на частную квартиру, а частично на подсобное хозяйство к осужденному Лемешенко;

б) 12 сентября 1944 г. по доверенности на имя Шлямина, через того же Кроленко, Токарев получил из Нежинского засолочного завода 3 тонны соли;

в) 6 октября 1944 г. Токарев, по двум доверенностям на Шлямина, получил через неустановленную личность 3 тонны соли из Черниговской конторы Заготживсырье;

г) 6 октября 1944 г. Токарев через неустановленную личность Доцит по доверенности с подложной подписью главного бухгалтера получил 3 тонны соли из Черниговского Облпотребсоюза;

д) 11 ноября 1944 г. Токарев через неустановленную личность Козулич получил 7 тонн соли у уполномоченного «Кожсырьеобработка»;

е) 11 декабря 1944 г. Токарев через Козулич получил за наличный расчет 8 тонн соли из Украинской конторы Главсоли.

Кроме того, Токареву инкриминируется, что он самовольно продлил договор

на аренду самолета на I квартал 1945 г., чем причинил ущерб в сумме 36 000 руб.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 8 февраля 1946 г. действия Токарева переквалифицированы на п. «а» ст. 206¹⁷ УК УССР и назначенное ему наказание снижено до 8 лет лишения свободы с сокращением этого срока наполовину в силу амнистии от 7 июля 1945 г., поражение Токарева в правах из приговора исключено.

В обоснование своего определения Коллегия указала, что, как видно из материалов дела, Токарев, злоупотребляя своим служебным положением, способствовал незаконному получению соли в различных хозяйственных организациях лицами, не работавшими в системе Союзтрансоргнабора, и последующему разбазариванию этой соли; таким же путем часть соли он обратил в свою пользу. Следовательно, действия Токарева подпадают под признаки пункта «а» ст. 206¹⁷ УК УССР. Далее Коллегия указала, что Токареву назначено слишком суровое наказание, так как лично он воспользовался незначительной частью соли.

Определение Коллегии подлежит отмене по следующим основаниям:

1. Как видно из приговора, Токареву инкриминируется, что он путем обмана похитил свыше 21 тонны соли. Коллегия отвергла обвинение в хищении и признала установленным, что Токарев содействовал незаконному получению соли и последующему ее разбазариванию. Существенно изменив формулировку обвинения по приговору, Коллегия не указала, по каким основаниям она считает неправильным обвинение Токарева в хищении и какие данные положены Коллегией в основу изменения формулировки обвинения. Между тем, Пленум Верховного суда СССР неоднократно указывал на необходимость вынесения кассационными и надзорными инстанциями мотивированных определений. Определение в том виде, как оно вынесено Коллегией, дезориентирует суд первой инстанции, который не может из определения уразуметь, чем опровергаются выводы приговора и на чем основаны выводы определения. Такое безмотивное изменение формулировки обвинения в данном случае тем более неправильно, что в приговоре, как указано выше, подробно перечислен ряд инкриминируемых Токареву эпизодов с указанием места, времени и способов совершения преступления.

2. Отвергнув подробную, развернутую формулировку обвинения по приговору, Коллегия заменила ее общей, расплывчатой формулой, не раскрывающей конкретного содержания действий, инкриминируемых Токареву. Из определения Коллегии не видно, в чем конкретно выразилось разбазаривание этой соли и роль Токарева в этом разбазаривании. Отметив, что часть соли Токарев обратил в свою пользу, Коллегия не указала, какую именно часть он использовал и по какому именно эпизоду из указанных в приговоре это обвинение должно считаться доказанным.

3. Однако, если даже признать правильной формулировку Коллегии, то и в этом случае в определении не обоснован переход с закона от 7 августа 1932 г. на п. «а» ст. 206¹⁷ УК УССР. Законом от 7 августа 1932 г. охватывается не только хищение социалистической собственности, выразившееся в непосредственном незаконном изъятии имущества, но, и при прочих равных условиях, всякие иные виды преступных посягательств на социалистическое имущество, в результате которых последнее незаконно переходит в собственность лиц, не имеющих права на это имущество. Поэтому и преступное использование должностным лицом своего служебного положения, повлекшее незаконный переход социалистической собственности в пользу этого лица или в пользу третьих лиц с ведома и при служебном содействии данного должностного лица, дает также, при наличии прочих квалифицирующих условий, состав преступления, предусмотренного законом от 7 августа 1932 г. По смыслу определения Коллегии устанавливается, что в результате систематических служебных злоупотреблений со стороны Токарева было при его активном содействии разбазарено в условиях военного времени свыше 21 тонны соли, являющейся дефицитным строго нормиро-

ванным продуктом. Если сама Коллегия считала установленными эти факты, то она тем самым признала наличие рядаотягчающих обстоятельств, определяющих применение закона от 7 августа 1932 г.: систематичность, крупный размер разбазаренного государственного имущества, особая ценность и дефицитность этого имущества, особенно в условиях военного времени. При этих данных следует признать, что изменение Коллегией квалификации преступления, инкриминируемого Токареву, с закона от 7 августа 1932 г. на пункт «а» ст. 206¹⁷ УК УССР допущено Коллегией в противоречии с установленными ею же самой обстоятельствами дела и явилось результатом неправильного понимания юридической природы закона от 7 августа 1932 г. и изложенных выше условий, определяющих его применение.

4. Изменяя существенно формулировку обвинения Токарева, Коллегия обошла в своем определении вопрос о той части приговора, которая касается возмещения ущерба, причиненного действиями Токарева.

5. Коллегия не учла, что Токарев был приговорен к дополнительному наказанию не только в виде поражения в правах, но и в виде конфискации имущества. Между тем, в своем определении Коллегия исключила из приговора только поражение в правах, хотя, изменив квалификацию на пункт «а» ст. 206¹⁷ УК УССР, должна была исключить и конфискацию имущества, как не предусмотренную указанной статьей УК.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда Союза ССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 8 февраля 1946 г. в отношении Токарева отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе.

2. Суд обязан проявить особую бдительность по делам, в которых имеются материалы, свидетельствующие о том, что подсудимый путем применения преступных комбинаций, облеченных в форму внешней показной законности, в целях личной выгоды причинил крупный ущерб государству

Дело Озиранского. Постановление от 29 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Тбилисского военного округа от 2 ноября 1945 г. Озиранский был осужден по ч. 2 ст. 183 УК Грузинской ССР к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах с конфискацией имущества, с сокращением наполовину срока лишения свободы в силу амнистии от 7 июля 1945 г. Вместе с тем, суд признал неподтвердившимся обвинение Озиранского по ст. 142 УК Грузинской ССР.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 февраля 1946 г., вынесенным по кассационной жалобе осужденного, приговор в части обвинения Озиранского по ч. 2 ст. 183 УК Грузинской ССР был отменен и дело производством прекращено.

Как приговор военного трибунала, так и определение Военной коллегии в отношении Озиранского подлежат отмене по следующим основаниям.

В прямое нарушение ст. 335 УПК Грузинской ССР суд, признав неподтвердившимся обвинение Озиранского в спекуляции по ст. 142 УК Грузинской ССР, не указал в резолютивной части приговора, что Озиранский считается по этой статье оправданным. Вместе с тем, самый вывод свой о неподтверждении обвинения в этой части суд ничем не мотивировал и не привел оснований, по которым он считал нужным опровергнуть это обвинение. Между тем, в материалах дела имеются существенные обстоятельства в пользу обвинения Озиранского. Судья по материалам дела, Озиранский, состоя на службе в Военно-Охотничьем обществе Закавказского фронта, являлся наряду с этим кустарем по производ-

ству акварельных красок и использовал это совмещение занятий для извлечения материальной выгоды преступным путем. В деле имеются данные о том, что Озиранский, действуя от имени базы указанного Охотничьего общества, закупил у Бакинской конторы Оптпроторга 4 998 кг мастики для полов, которую перекупил у Охотничьего общества по 3 р. 20 к. за кг и перепродал разным организациям по 53 руб. за кг. То обстоятельство, что Озиранский путем применения некоторых собственных средств улучшил несколько качество этой мастики, если бы даже это обстоятельство и имело место, не меняет характера и качества проведенной преступной операции, выразившейся в скупке для перепродажи и последующей перепродаже с целью наживы значительных материальных ценностей, извлеченных путем разных комбинаций из ведения государственных органов. Эти обстоятельства в совокупности с тем, что, как видно, из дела, Озиранский пользовался незаконно текущим счетом в Госбанке, на котором у него имелись крупные суммы, должны были поставить перед судом вопрос о том, что Озиранский не является обычным кустарем, извлекающим средства для своего существования путем применения общественно-полезного труда, и что он пользуется положением кустаря в качестве ширмы, чтобы таким путем скрыть действительный характер своих преступных операций, выражающихся в использовании путем разных ухищрений государственных и общественных организаций для своих частных, предпринимательских, спекулятивных целей. Суд должен был особо учесть, что в условиях социалистического государства такие явления представляют повышенную общественную опасность, так как преступные элементы, лишенные возможности при социалистической системе хозяйства свободно развивать частную предпринимательскую деятельность, пытаются приравливаться к создавшимся условиям и путем разных комбинаций, облеченных в форму внешней показной законности, предоставить простор своей преступной хищнической, спекулятивной деятельности. Эти ухищрения преступных элементов требуют повышенной бдительности от судебно-следственных органов и умения в каждом отдельном случае выявить и вскрыть подлинное лицо преступника и подлинный преступный характер его деятельности. Между тем, по данному делу суд поверхностно подошел к его исследованию и прошел мимо указанных выше материалов дела, дававших основание для обвинения Озиранского.

Ввиду всего изложенного и учитывая указание в протесте на имеющиеся дополнительные данные, раскрывающие в более широком объеме спекулятивную деятельность Озиранского, следует признать, что приговор подлежит отмене, а дело — дополнительному расследованию.

Равным образом, следует признать необоснованным и определение Военной коллегии о прекращении дела по обвинению Озиранского по ч. 2 ст. 183 УК Грузинской ССР. По этой статье Озиранский был признан виновным в том, что с целью уклонения от уплаты налогов он при изготовлении акварельных красок умышленно завысил в своих калькуляциях расход красителя и путем обмана скрыл от финорганов свою дополнительную доходность свыше чем на 300 000 руб. Прекращая дело, Коллегия указала, что это обвинение покоится на противоречивых данных экспертизы, построенных больше на предположениях, чем на данных, установленных по делу. Коллегия при этом не указала, в чем конкретно заключаются противоречия между экспертизами. Далее Коллегия не указала, почему она считает выводы построенными на предположениях, тогда как из дела видно, что они основаны на калькуляциях, представленных самим Озиранским, а нормы сырья взяты применительно к нормам, существующим на предприятиях промышленной кооперации.

Во всяком случае, мотивы, приведенные Коллегией, могли служить основанием не для прекращения дела, а для передачи его на дополнительное расследование.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор военного трибунала Тбилисского военного округа от 2 ноября 1945 г. и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 февраля 1946 г. в отношении Озиранского отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

3. Ст. 51 УК РСФСР не должна применяться при наличии обстоятельств, особо отягчающих вину подсудимого

Дело Нестеренко и других. Постановление от 22 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Красноярской ж. д. от 27 ноября 1945 г. были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. с применением ст. 51 УК РСФСР: Нестеренко к девяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах, предусмотренных пп. «а», «б», «в» ст. 31 УК РСФСР на два года и конфискацией имущества; Семенов, Казаков и Тайбаев к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях каждый с поражением каждого в правах, предусмотренных пп. «а», «б», «в» ст. 31 УК РСФСР, сроком на один год и конфискацией имущества.

Осужденные признаны виновными в том, что, являясь красноармейцами военного транспорта и следуя от станции Горький до станции Ворошилов-Уссурийский по сопровождению военного транспорта, они, в октябре 1945 г., совместно с Бондаревым, также осужденным по данному делу, по сговору между собой систематически занимались хищением грузов, стоящих на путях станций, похитив, таким образом 130 кг соли, 400 метров хлопчатобумажной ткани, 20 дамских шерстяных свитеров, 5 детских шерстяных костюмов, 2 шерстяных шарфа, 80 флаконов одеколона, 400 пар дамских чулок, 153 кг суиконцентратов и 154 шапок-ушанок.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 9 октября 1946 г. был отклонен протест Генерального Прокурора СССР, считавшего необходимым отменить приговор в отношении указанных осужденных и передать о них дело на новое судебное рассмотрение за необоснованностью применения к ним ст. 51 УК РСФСР.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, считая необходимым отменить приговор и определение Коллегии по указанным выше основаниям.

Обсудив протест, Пленум Верховного суда СССР находит, что приговор военного трибунала и определение Коллегии в отношении указанных осужденных подлежат отмене по следующим основаниям:

1. Назначив путем применения ст. 51 УК в виде наказания восемь и девять лет лишения свободы вместо указанных в законе 10 лет, суд обнаружил явно несерьезное и безответственное отношение к вопросу о назначении наказания, не приняв во внимание, что такое крайне незначительное снижение наказания сводит к нулю самый смысл и значение статьи 51 УК, как закона, применяемого лишь при наличии особых исключительных обстоятельств.

2. Как видно из приговора по настоящему делу, суд признал, что осужденные, действуя организованной группой, совершали систематические хищения грузов на железнодорожном транспорте в весьма крупных размерах. Рассматривая протест, Военная железнодорожная коллегия не опровергла указанных обстоятельств, установленных по приговору. При этих условиях следует признать, что применение к осужденным ст. 51 УК РСФСР было допущено явно необоснованно без учета необходимости применения самых суровых мер наказания в отношении расхитителей социалистической собственности, тем более, что хищение, как установил сам суд, сопровождалось совокупностью особо-отягчающих признаков в виде организованности, систематичности и крупных размеров похищен-

ного, что повышает в данном случае степень общественной опасности совершенного преступления.

Между тем, применив к осужденным ст. 51 УК РСФСР, суд не только не принял во внимание, что по требованию этой статьи, она может быть применена лишь при наличии исключительных обстоятельств, которые сам суд признал отсутствующими по данному делу, установив указанные выше отягчающие обстоятельства, но в прямое нарушение ст. 51 УК ограничился лишь одной ссылкой на эту статью, не изложив точно в приговоре мотивы, по которым он считал необходимым определить наказание ниже низшего предела санкции, указанной в законе от 7 августа 1932 г.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор военного трибунала Красноярской ж. д. от 27 ноября 1945 г. и определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 9 октября 1946 г. в отношении Нестеренко, Семенова, Казакова и Тайбаева отменить и дело о них передать на новое судебное рассмотрение в ином составе суда.

4. Хищение социалистической собственности в крупных размерах подлежит квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Дело Маркина. Постановление от 22 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Московско-Рязанской ж. д. от 16 августа 1946 г. Маркин был осужден по ч. 1 ст. 182 и п. «д» ст. 162 УК РСФСР по совокупности к пяти годам лишения свободы без поражения в правах. Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 21 октября 1946 г., вынесенным по кассационной жалобе осужденного, приговор оставлен в силе; одновременно Коллегия вынесла частное определение, в котором указала, что действия Маркина подлежали квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Приговором по делу установлено, что Маркин, следуя в товарном поезде 29 июня 1946 г., проник через люк в вагон, из которого похитил 1 345 метров хлопчатобумажной ткани, уложив ее в соседнем полувагоне; затем при следовании поезда по перегону Селезни—Пушкарки Московско-Рязанской ж. д., он выбросил из полувагона похищенную мануфактуру и сам спрыгнул на ходу поезда. После этого Маркин спрятал мануфактуру в снегозащитных посадках и иешком ушел на станцию Тамбов. Утром 1 июля 1946 г. Маркин выехал к месту нахождения мануфактуры, взял часть для реализации и затем был задержан; при задержании у него было изъято 50 метров мануфактуры, а также пистолет, на ношение и хранение которого он не имел права.

При учете указанных материалов дела, свидетельствующих о крупном размере хищения, совершенного Маркиным, следует признать, что инкриминируемые ему действия подлежали квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор военного трибунала Московско-Рязанской ж. д. от 16 августа 1946 г. и определение Военной железнодорожной Коллегии Верховного суда СССР от 21 октября 1946 г. по делу Маркина отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по признакам закона от 7 августа 1932 г.

5. При квалификации действий подсудимого, как убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей, пунктом «в» ст. 136 УК РСФСР охватывается не только совершенное убийство, но и сопутствовавшее ему причинение телесных повреждений другим присутствовавшим лицам

Дело Рогова. Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г.

По приговору народного суда Медновского района Калининской области от 27 января 1946 г., оставленному в силе определением Калининского областного

суда от 12 февраля 1946 г., Рогов был осужден по ч. 1 ст. 143, ч. 1 ст. 182 и п. «в» ст. 136 УК РСФСР по совокупности к десяти годам лишения свободы.

Рогов признан виновным в том, что он 13 декабря 1945 г., находясь в доме Пирогова, в деревне Трестено на гулянье, где распивал вместе с гостями вино, без всяких причин начал производить стрельбу в присутствующих, в результате чего убил Мельникова и ранил Фирсова, Музлова и Лобазова.

По протесту Генерального Прокурора СССР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР 13 июля 1946 г. рассмотрела дело в порядке надзора. Коллегия установила, что ни на предварительном, ни на судебном следствии Рогов не был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе, несмотря на то, что, как это видно из материалов дела, преступление было совершено Роговым при таких обстоятельствах, что у суда должен был возникнуть вопрос, не находился ли Рогов в момент совершения преступления в состоянии невменяемости. Поэтому Коллегия отменила приговор народного суда и определение областного суда и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для назначения Рогову судебно-психиатрической экспертизы.

В этой части определение Коллегии является правильным и соответствующим требованиям закона (примечание 1 к ст. 63 УПК РСФСР).

Вместе с тем, однако, в определении Коллегии содержится указание, что если будет установлено, что Рогов совершил свои действия в состоянии невменяемости, то их следует квалифицировать, наряду со ст. ст. 143 ч. 1, 182 ч. 1, также и по ст. 137, а не по ст. 136 УК РСФСР. В этой части определение является неправильным.

Предлагая квалифицировать действия Рогова не только, как умышленное убийство (ст. 137 УК), но и как умышленное легкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 143 УК), Коллегия исходила из того, что в первом случае действия Рогова повлекли смерть потерпевшего, а во втором — легкое ранение потерпевших. Такая квалификация является неправильной, так как совокупность действий, инкриминируемых Рогову по обстоятельствам данного дела, представляет собой не два, а один состав преступления, специально предусмотренный уголовным законом. Если признать, что Рогов действовал в состоянии невменяемости, то произведенная им беспорядочная стрельба из пистолета в комнате, полной людей, дает основание прийти к выводу, что, не имея прямого умысла кого-либо убить, он, тем не менее, действовал с эвентуальным или косвенным умыслом. Он сознавал всю общественную опасность своего поведения и все же безразлично относился к последствиям своих действий, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих; в данном случае он своими действиями причинил смерть Мельникову. Поэтому убийство последнего Роговым должно квалифицироваться, как умышленное убийство. Так как, вместе с тем, убийство было совершено в комнате, полной людей, в результате беспорядочной стрельбы, представлявшей реальную опасность не только для Мельникова, но и для всех других присутствующих, это убийство следует рассматривать, как убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей, и квалифицировать не по ст. 137 УК РСФСР, как предлагает Коллегия, а по п. «в» ст. 136 того же УК, прямо предусматривающему ответственность за умышленное убийство при указанных обстоятельствах.

Но квалификация действий Рогова по п. «в» ст. 136 УК исключает необходимость дополнительного применения к нему ч. 1 ст. 143 УК РСФСР за причиненное им легкое ранение трем другим лицам, так как это ранение явилось реальным воплощением той опасности, которая и давала основание для квалификации инкриминируемого Рогову убийства, как убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей. Поэтому причиненное Роговым ранение не является отдельным составом преступления, подлежащим самостоятельной квалификации, а представляет собой лишь один из квалифицируемых признаков,

определяющих необходимость квалификации инкриминируемых Рогову действий по п. «в» ст. 136 УК.

Ввиду всего изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Внести в определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 13 июля 1946 г. по данному делу следующие изменения: исключить указание на необходимость, в случае вменяемости Рогова, квалифицировать его действия по ст. 137 УК РСФСР, указав, что инкриминируемые ему действия охватываются ст. ст. 182 ч. I и п. «в» ст. 136 УК РСФСР и не требуют дополнительной квалификации по части 1 ст. 143 того же УК; в остальном определение Коллегии оставить в силе без изменения.

6. Штраф может быть применен в качестве дополнительного наказания по любому преступлению по усмотрению суда за исключением случаев, когда закон устанавливает за данное преступление основное наказание, менее тяжкое чем штраф

Дело Клочковой. Постановление Пленума от 11 октября 1946 г.

По приговору народного суда 2-го участка г. Ленинабада от 19 апреля 1945 г. Клочкова была осуждена по ст. ст. 129 (спекуляция) и 195 п. «д» (квалифицированная кража социалистической собственности) УК Таджикской ССР по совокупности к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на три года и конфискацией имущества.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Ленинабадского областного суда от 6 мая 1945 г. дело в части обвинения Клочковой по ст. 129 УК производством прекращено, а по ст. 195 п. «д» УК наказание определено в виде пяти лет лишения свободы и штрафа в сумме 2 000 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 4 мая 1946 г., вынесенным по протесту Генерального Прокурора СССР, из определения Ленинабадского областного суда в части наказания исключен штраф по тем основаниям, что санкция п. «д» ст. 195 УК Таджикской ССР штрафа не предусматривает, а в ст. 38 УК Таджикской ССР не указано, что штраф может применяться в качестве дополнительного наказания по усмотрению суда.

Мотивы, по которым Коллегия исключила штраф, являются неправильными, так как они не основаны на законе и неправильно ориентируют суд по принципиальному вопросу о порядке применения штрафа в качестве дополнительного наказания.

Ст. 38 УК Таджикской ССР содержит в себе определение понятия штрафа и указание, что размер его определяется в соответствии с имущественным положением осужденного. Никаких указаний на то, в каких случаях штраф может применяться, статья эта не содержит. Поэтому было бы неправильным привлекать эту статью, как в подтверждение того, что штраф не может применяться по усмотрению суда в качестве дополнительного наказания, так и в подтверждение обратного положения. Равным образом, по изложенным основаниям эта статья не может привлекаться и для решения вопроса об условиях применения штрафа в качестве основного наказания. Следовательно, для решения этого вопроса в отношении штрафа как основного, так и дополнительного наказания, необходимо обратиться к другим статьям Общей части УК.

Вопрос об условиях применения штрафа в качестве основного наказания решается, как и в отношении других видов наказания, п. «б» ст. 41 УК Таджикской ССР, согласно которому при назначении наказания суд руководствуется пределами, указанными в статьях Особой части УК, предусматривающих данный вид преступления. По смыслу этого закона штраф в качестве основного наказания может быть применен за преступления, предусмотренные диспозициями

соответствующих статей Уголовного кодекса, в санкции которых штраф указан в качестве наказания. Кроме того, в силу ст. 45 того же УК, штраф может быть применен, если законом за данное преступление установлено более тяжкое наказание, но суд по обстоятельствам дела придет к выводу о необходимости назначения наказания ниже низшего предела, установленного в законе, или перейти к менее тяжкому виду наказания.

Что же касается условий применения штрафа в качестве дополнительного наказания, то ответ на этот вопрос содержится в ст. 21 УК Таджикской ССР, которая включает штраф в числе мер наказания, применяемых как в качестве основных, так и дополнительных, и которая содержит специальную оговорку в отношении конфискации имущества о том, что в качестве дополнительного наказания она может назначаться лишь по тем статьям, по которым предусмотрена конфискация. Отсюда следует, что все остальные дополнительные меры наказания, кроме конфискации, могут в качестве общего правила применяться во всех случаях по усмотрению суда. В тех же случаях, когда закон считает необходимым ограничить право применения дополнительного наказания, он устанавливает положительно такое ограничение в самом законе. Так, помимо приведенного выше ограничения в отношении конфискации имущества, ст. 31 УК Таджикской ССР устанавливает, что поражение в правах не может сочетаться с условным осуждением и общественным порицанием, а по смыслу статьи 33 того же УК ссылка может применяться как в качестве основной, так и дополнительной меры, только по преступлениям, перечисленным в этой статье.

Поскольку, таким образом, с одной стороны, штраф включен в число мер, которые могут быть применены в качестве дополнительного наказания, а, с другой стороны, закон нигде не ограничивает определенными условиями применения штрафа в виде такого наказания, следует, вопреки мнению Коллегию, признать что согласно УК Таджикской ССР штраф может быть применен в качестве дополнительного наказания по любому преступлению по усмотрению суда за исключением, естественно, тех случаев, когда закон устанавливает за данное преступление основное наказание, менее тяжкое, чем штраф.

По смыслу определения Коллегии получается, что штраф в качестве дополнительного наказания может быть применен только в тех случаях, когда он указан в качестве такого наказания в самом законе. Не говоря уже о том, что такое утверждение противоречит указанной выше статье 31 УК, содержащей подобное ограничение только в отношении конфискации имущества, это утверждение вообще сводит почти к нулю указание закона, что штраф может применяться в качестве дополнительного наказания, так как из всех статей Особой части Уголовного кодекса Таджикской ССР только две статьи предусматривают штраф в виде дополнительного наказания: статья 216—получение выкупа за убийство или тяжкое телесное повреждение и статья 217—уплата калыма. Между тем, смысл этих статей заключается в том, что в указанных в них случаях штраф в виде дополнительного наказания применяется в обязательном порядке, в остальных же случаях он (по приведенным уже выше соображениям) может применяться факультативно по усмотрению суда.

С другой стороны, следует признать, что Ленинадский областной суд неправильно применил к Ключковой штраф в виде дополнительного наказания, однако, неправильность эта усматривается не в том, в чем усмотрела ее Коллегия. Как видно из приговора, суд первой инстанции осудил Ключкову по пункту «д» ст. 195 УК к пяти годам лишения свободы, по ст. 129 УК к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на три года и конфискацией имущества и по совокупности к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на три года и с конфискацией имущества. Так как областной суд исключил обвинение по ст. 129 Уголовного кодекса, он должен был исключить и наказание, определенное в этой статье; по ст. же 195 Уголовного кодекса он не имел права в отношении тяжести наказания выйти за пределы на-

казания, назначенного по этой статье судом первой инстанции, так как согласно ст. 121 УПК Таджикской ССР повышение меры наказания в кассационной инстанции не допускается. Присоединив же к пяти годам лишения свободы, назначенным по приговору, еще штраф в размере 2 000 руб., областной суд своим кассационным определением повысил Ключковой наказание, чем нарушил ст. 121 УПК Таджикской ССР.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 4 мая 1946 г. по данному делу изменить, исключить из него ссылку на ст. 38 Уголовного кодекса Таджикской ССР, заменив ее ссылкой на ст. 121 УПК Таджикской ССР, и оставить в силе определение Коллегии в части исключения из определения Ленинабадского областного суда взыскания с Ключковой штрафа в размере 2 000 руб.

7. Если при постановлении приговора суд изменяет квалификацию действий подсудимого на статью Уголовного кодекса, предусматривающую наказание не выше трех лет лишения свободы, подсудимый, в случае необходимости применения амнистии от 7 июля 1945 г., подлежит по приговору освобождению от наказания

Дело Бутыриной. Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г.

По приговору военного трибунала Куйбышевской ж. д. от 15 октября 1945 г. действия Бутыриной, преданной суду по ст. 109 УК РСФСР, были перекалвалифицированы на ст. 111 того же УК и наказание ей определено в три года лишения свободы без поражения в правах с освобождением от наказания в силу Указа об амнистии от 7 июля 1945 г.

Этот приговор был опротестован в порядке надзора Прокурором СССР в Военную железнодорожную коллегию Верховного суда СССР. В протесте было указано, что, так как действия Бутыриной были правильно квалифицированы по ст. 111 УК, предусматривающей в качестве максимального наказания три года лишения свободы, то дело Бутыриной в силу Указа от 7 июля 1945 г. подлежало прекращению, и трибунал не должен был в данном случае выносить приговор.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 8 января 1946 г. приговор по делу Бутыриной был отменен и дело производством прекращено по тем мотивам, что военный трибунал неосновательно принял к своему производству дело по обвинению Бутыриной по ст. 111 УК, так как в силу ст. 4 Указа об амнистии от 7 июля 1945 г. оно подлежало прекращению.

Таким образом, мотивы протеста и мотивы определения между собой не совпадают. По смыслу протеста трибунал, правильно приняв дело к своему производству, должен был, однако, вынести не приговор, а определение о прекращении дела. По смыслу же определения Коллегии военный трибунал вообще неправильно принял дело к своему производству.

Как мотивы определения, так и мотивы протеста являются неправильными. Согласно ст. 4 Указа об амнистии от 7 июля 1945 г. подлежат прекращению нерассмотренные судами дела о преступлениях, за которые может быть назначено наказание не свыше трех лет лишения свободы. Если бы Бутырина подлежала преданию суду по ст. 111 УК, максимальная санкция которой не превышает трех лет лишения свободы, то военный трибунал действительно, в силу ст. 4 Указа об амнистии, на которую ссылается Коллегия, обязан был не принимать дела к рассмотрению по существу в судебном заседании, а должен был прекратить его в подготовительном заседании.

По данному делу, однако, Бутырина была предана суду не по ст. 111, а по

ст. 109 УК, предусматривающей наказание до 10 лет лишения свободы. По этому указанию Коллегии, что трибунал принял к своему производству дело по обвинению Бутыриной по ст. 111 УК не основано на материалах дела, равно как неправилен и вывод, что принятие этого дела к производству допущено с нарушением ст. 4 Указа об амнистии. Поскольку Бутырина была предана суду по ст. 109 УК, суд обязан был принять дело к своему производству и рассмотреть дело в судебном заседании.

Вместе с тем неправильными являются и мотивы протеста. По смыслу протеста получается, что, рассматривая дело в судебном заседании, военный трибунал, придя к выводу о необходимости изменения квалификации на ст. 111 УК, должен был вынести не приговор, а определение о прекращении дела. Такое утверждение не основано на законе.

По смыслу п. 9 ст. 23, ст. 313 и ст. 320 УПК РСФСР суд свой вывод о виновности Бутыриной не по ст. 109, а по ст. 111 УК должен был фиксировать только в форме приговора, так как вопрос о виновности или невиновности подсудимого решается судом первой инстанции только в форме приговора. Таким образом, вопреки утверждению протеста, суд обязан был в данном случае постановить приговор. Приговор же, по прямому смыслу ст. 326 УПК, не может заканчиваться решением о прекращении дела и может иметь своим последствием либо оправдание подсудимого, либо назначение ему наказания, либо освобождение от наказания в силу амнистии, давности или ст. 8 УК (п. 2 ст. 326). Суд первой инстанции, признав в данном случае Бутырину виновной по ст. 111 УК, освободил ее от наказания в полном соответствии с п. 2 ст. 326 УПК. При этом суд первой инстанции ни в какой степени не нарушил ст. 4 амнистии от 7 июля 1945 г. Согласно ст. 4 подлежат прекращению дела, не рассмотренные судом. Таким образом, эта статья имеет в виду те случаи, когда дело, поступая в суд и еще до его рассмотрения, уже обладает признаками, по которым оно подпадает под действия амнистии. В тех же случаях, когда в самом процессе рассмотрения дела во время совещания и постановления приговора суд приходит к убеждению о наличии в действиях подсудимого признаков не той статьи, по которой он предан суду, а статьи, по которой дело подлежало бы прекращению в силу амнистии, если бы статья была предъявлена в процессе предварительного следствия.—суд, применительно к ч. 2 ст. 4 Указа об амнистии, выносит приговор и освобождает подсудимого от наказания. Именно такое положение имело место и по данному делу.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет: Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 8 января 1946 г. по делу Бутыриной отменить, оставив по этому делу в силе приговор военного трибунала Куйбышевской ж. д. от 15 октября 1945 г.

8. Кассационная инстанция не вправе самостоятельно путем исключения примененной по приговору амнистии повысить наказание, назначенное в конечном выводе судом первой инстанции после применения амнистии

Дело Делик. Постановление от 22 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Московско-Киевской ж. д. от 11 февраля 1946 г. Делик был осужден по ст. 137 УК РСФСР к четырем годам лишения свободы без поражения в правах с сокращением этого срока наполовину, в силу амнистии от 7 июля 1945 г. Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 16 мая 1946 г. приговор по настоящему делу был оставлен в силе, но, вместе с тем, Коллегия исключила из него применение амнистии, поскольку Делик был осужден за умышленное убийство и на него поэтому не могла быть распространена амнистия в части снижения наказания.

Определение Коллегии является неправильным. Согласно постановлению

55 Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1936 г., кассационная инстанция, признав неправильным применение судом первой инстанции амнистии, не вправе самостоятельно исключать амнистию из приговора и может лишь, отменив приговор, передать дело на новое судебное рассмотрение. Только в тех случаях, когда кассационная инстанция признает, что наказание, назначенное в конечном выводе осужденному после применения амнистии, является для него достаточным, она вправе, исключив амнистию, вместе с тем оставить в силе наказание, назначенное в конечном выводе судом первой инстанции. В данном же случае Военная железнодорожная коллегия, исключив самостоятельно применение амнистии, оставила в силе наказание, определенное первоначально приговором суда, а не сниженное после применения амнистии.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 15 мая 1946 г. по делу Делик отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в том же составе.

9. Обсуждение вопроса о лишении осужденного ордена не входит в компетенцию суда, который, при наличии условий, указанных в ст. 33 УК РСФСР, обязан по вступлении приговора в законную силу войти с соответствующим представлением в Верховный орган власти, наградивший лицо, которое впоследствии было осуждено

Дело Шацких. Постановление от 29 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Краснознаменной Амурской флотилии от 30 сентября 1945 г., оставленному в силе определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 ноября 1945 г., Шацких был осужден по п. «а» ст. 193¹⁷, п. «г» ст. 193⁵ и ст. 113 УК РСФСР по совокупности к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах с лишением военного звания «лейтенант».

Дополнительно своим определением от 12 декабря 1945 г., т. е. по вступлении приговора в законную силу, военный трибунал постановил войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о лишении осужденного Шацких ордена Отечественной войны 2-й степени.

Это определение было отменено определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 мая 1946 г. по тем мотивам, что вопрос о возбуждении ходатайства о лишении Шацких ордена суду следовало обсудить при вынесении приговора.

Мотивы, положенные Коллегией в основу своего определения, являются неправильными.

По смыслу ст. 33 УК РСФСР обсуждение вопроса о лишении осужденного ордена не входит в компетенцию суда не только в части решения этого вопроса по существу, но и в части возбуждения ходатайства о лишении ордена перед Президиумом Верховного Совета СССР. Согласно ст. 33 УК, поражение прав, предусмотренных пп. «а»—«в» ст. 31 УК, сопровождается лишением орденов, и суд, по вступлении приговора в законную силу, обязан войти с соответствующим представлением в Верховный орган власти, наградивший орденом лицо, которое затем было осуждено. Поэтому указание Коллегии на то, что суд должен был обсудить вопрос о возбуждении ходатайства, является неправильным. Обсуждение какого-либо вопроса всегда предполагает возможность его альтернативного решения, тогда как в данном случае закон прямо предписывает выполнение определенных действий, не зависящих от усмотрения суда.

Далее, Коллегия неправильно указала, что суд должен был обсудить вопрос о возбуждении ходатайства о лишении ордена. По точному смыслу ст. 33 УК вопрос о лишении ордена решается независимо от того, возбудил ли

суд об этом ходатайство или нет, а в зависимости от того, приговорен ли подсудимый к поражению в правах, предусмотренных пунктами «а»—«в» ст. 31 УК. В последнем случае осужденный лишается ордена, и суд, по вступлении приговора в законную силу, обязан не возбуждать ходатайство, а войти с представлением в Президиум Верховного Совета СССР, т. е., не выражая своего отношения к вопросу о лишении ордена или нет, довести до сведения Президиума Верховного Совета СССР о том, что награжденное орденом лицо приговорено к поражению прав, влекущему по закону лишение ордена. Дальнейшее решение вопроса зависит исключительно от усмотрения Верховного органа власти.

Наконец, неправильным является указание Коллегии на то, что суд был обязан обсудить указанный вопрос при вынесении приговора. Как явствует из ст. 33 УК, суд входит с представлением только по вступлении приговора в законную силу. Смысл этого указания закона заключается в том, что вышестоящий суд может в кассационном порядке отменить приговор в части поражения в правах, и тогда отпадает необходимость в представлении.

Но, положив в основу своего определения неправильные мотивы, Коллегия правильно определила отменить определение военного трибунала, которое подлежит отмене, однако, по иным основаниям, не указанным Коллегией.

Военный трибунал неправильно вынес по данному вопросу определение. Определение, как и всякое иное судебное решение, предполагает, что суд входит в обсуждение вопроса, по которому вынесено определение. В данном случае, по уже изложенным основаниям, суд не входит в обсуждение вопроса по существу, и поэтому не случайно закон указывает не на вынесение судом определения, а на то, что он входит с представлением.

Кроме того, по данному делу суд не должен был входить и с представлением, поскольку Шацких не был поражен в правах, предусмотренных пунктами «а»—«в» ст. 31 УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 мая 1946 г. по делу Шацких, а равно определение военного трибунала Краснознаменной Амурской флотилии от 12 декабря 1945 г. по этому же делу отменить.

10. При разрешении вопроса, являются ли инкриминируемые действия уголовным преступлением или дисциплинарным проступком, суд должен руководствоваться как характером совершенного действия, так и тяжестью наступивших последствий, а равно и личностью обвиняемого

Дело Кинькаева. Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г. (Извлечение).

По приговору народного суда 4-го участка Советского района г. Москвы от 4 марта 1946 г. Кинькаев был осужден по ст. 111 УК РСФСР к двум годам лишения свободы без поражения в правах. Вместе с тем, суд постановил выслать с Кинькаева в пользу ОРСа фабрики «Дукат» 14 460 руб. Определением Московского городского суда от 15 марта 1946 г. наказание Кинькаеву было снижено до одного года исправительно-трудовых работ на общих основаниях с удержанием 25% заработка; в части гражданского иска приговор отменен и дело передано на новое судебное рассмотрение.

Кинькаев признан виновным в том, что, работая кладовщиком на фабрике «Дукат» и получив под материальную ответственность для отправки в подсобное хозяйство на станцию Крюково борова весом в 122 кг, погрузил борова в кузов автомашины, а сам сел в кабину, оставив борова без присмотра, в результате чего по приезде в подсобное хозяйство борова в машине не оказалось, а клетка оказалась проломленной.

По данному делу Председателем Верховного суда СССР был внесен про-

тест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР на предмет прекращения дела производством на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием в действиях Кинькаева состава преступления. Этот протест был отклонен определением Коллегии от 2 октября 1946 г., в связи с чем Председатель Верховного суда СССР принес по данному делу протест в Пленум Верховного суда СССР.

Обсудив протест, Пленум находит, что дело в отношении Кинькаева подлежит прекращению в уголовном порядке по следующим основаниям: ст. 111 УК РСФСР карает должностное лицо за халатное отношение к своим обязанностям лишь при наличии признаков, указанных в ст. 109 того же УК. Поскольку из этих признаков корыстная или иная личная заинтересованность не применимы к случаям халатности, предполагающей вину неосторожную, следует признать, что из признаков ст. 109 УК к халатности могут быть отнесены систематичность и наличие тяжких последствий. Обращаясь с этой точки зрения к обстоятельствам настоящего дела, следует признать, что к Кинькаеву необоснованно применена ст. 111 УК. Как видно из дела, эпизод, инкриминируемый Кинькаеву, носил единичный характер, ввиду чего в его действиях отсутствует признак систематичности. Что касается тяжелых последствий, то ущерб, причиненный утратой борова, не может рассматриваться, как особо тяжкое последствие для ОРСа фабрики «Дукат».

С другой стороны, Пленум находит, что к Кинькаеву нет оснований применить не только ст. 111 УК РСФСР, но и ч. 2 ст. 112 того же УК, предусматривающую случаи халатности при отсутствииотягчающих признаков, указанных в ст. 109 УК РСФСР. Согласно примечания к ст. 112 того же УК действие второй части этой статьи не распространяется на те служебные упущения и проступки, которые по степени серьезности не требуют применения мер наказания и влекут лишь дисциплинарную ответственность. При разрешении этого вопроса суд должен руководствоваться как характером совершенного действия, так и тяжестью наступивших последствий, а равно и личностью совершившего инкриминируемое действие. Как указано выше, степень небрежности, допущенной Кинькаевым, не давшей основания для применения к нему ст. 111 УК, является относительно незначительной. Равным образом, по указанным выше основаниям и последствия не могут считаться тяжелыми. Наконец, обращаясь к личности Кинькаева, необходимо принять во внимание, что он инвалид Отечественной войны, имеющий на своем иждивении троих малолетних детей, и что о нем имеется положительная характеристика со стороны общественных организаций. Совокупность всех указанных обстоятельств дает основание прийти к выводу, что в силу примечания 1 к ст. 112 УК РСФСР Кинькаев должен быть освобожден от уголовной ответственности по данному делу, причиненный же им ущерб может быть возмещен в порядке гражданского иска.

11. Органы расследования обязаны исследовать обстоятельства, не только уличающие, но и оправдывающие обвиняемого, на которого не может быть возложена обязанность доказывать свою невиновность

Дело Калинина. Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г.

По приговору народного суда 4-го участка Фрунзенского района г. Москвы от 24 апреля 1946 г., оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 мая 1946 г., Калинин был осужден по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР к двум годам лишения свободы без поражения в правах.

Калинин признан виновным в том, что, работая старшим кладовщиком хозяйственного склада завода «Каучук» в Москве с января по 4 октября 1945 г. в

воспользовавшись порочной системой продажи спецодежды на складе и отсутствием контроля, он систематически присваивал государственные средства, в частности, вырученные от продажи спецодежды, которые своевременно не сдавал ни в кассу завода, ни заведующему ОРСом, а хранил у себя, обращая в свою пользу. В результате действий Калинина у него при инвентаризации, произведенной 11 октября 1945 г., была обнаружена недостача 28 395 руб., в погашение которой Калинин внес 20 200 руб., а остальные 8 195 руб. суд постановил взыскать с него в пользу завода «Каучук».

Калинин виновным себя в растрате не признал, показав, что деньги у него были похищены в трамвае, когда он вез их сдавать на завод.

Считая, что обвинение Калинина в растрате не является доказанным и что недостача явилась результатом халатности Калинина, которая подлежала квалификации по ст. 111 УК РСФСР, Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР, определением которой от 13 июля 1946 г. протест был отклонен. Аналогичный протест, внесенный Председателем Верховного суда СССР в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, был также отклонен определением этой Коллегии от 2 октября 1946 г.

В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, поддерживая свою, изложенную выше, точку зрения по вопросу о квалификации действий Калинина.

Обсудив протест, Пленум находит, что как приговор, так и все последующие определения по настоящему делу являются неправильными.

Признав Калинина виновным в присвоении 28 395 руб., суд определил ему наказание в два года лишения свободы, т. е. минимальное наказание, указанное в ч. 2 ст. 116 УК, по которой суд квалифицировал действия подсудимого; при этом суд не считал даже необходимым назначить Калинин в виде дополнительного наказания конфискацию имущества, предусмотренную в данном случае законом. Назначение такого мягкого наказания злостному растратчику при наличии признанных самим же судомотягчающих обстоятельств в виде систематичности и особо крупного размера присвоенной суммы, дававших даже основание для применения закона от 7 августа 1932 г., не может быть иначе объяснено как либо неуверенностью самого суда в правильности обвинения, установленного приговором, либо недооценкой со стороны суда необходимости применения суровых мер наказания к злостным расхитителям социалистической собственности. В первом случае следует признать, что суд вынес приговор с нарушением ст. 319 УПК РСФСР, требующей, чтобы приговор являлся результатом внутреннего убеждения судей, основанного на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Постановление же обвинительного приговора вопреки убеждению судей при отсутствии с их стороны полной уверенности в виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении представляет собой грубое извращение одного из основных принципов советского правосудия и социалистической законности. Если же признать, что приговор явился результатом глубокого убеждения судей в правильности обвинения Калинина в систематическом присвоении государственных средств в крупных размерах, то назначение Калинин такого мягкого наказания представляет собой, как указано выше, ничем не оправданное послабление в деле борьбы с тяжкими посягательствами против социалистической собственности.

Однако самый вывод суда о виновности Калинина в присвоении не является обоснованным. По смыслу ст. 319 УПК РСФСР одного лишь убеждения судей недостаточно для решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого; необходимо, чтобы это убеждение покоилось на рассмотрении судом всех обстоятельств дела в их совокупности. Между тем, в данном случае вывод суда не находится в соответствии с материалами дела. С этой точки зрения мотивы Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, сконцентриро-

завшей и развившей в своем определении доводы всех нижестоящих судов по данному делу, не могут быть признаны убедительными.

Считая правильным обвинение Калинина в растрате, Коллегия указала в своем определении, что он не вел точного учета отпущенной за наличный расчет спецодежды, а ежедневную выручку без счета брал домой и хранил в течение месяца; между тем, свидетели Крюкова и Гольдберг показали, что Калинин обязан был сдавать выручку ежедневно и у него не было необходимости уносить выручку домой. Чтобы скрыть растрату, которая должна была быть обнаружена при инвентаризации, намеченной на 1 октября 1945 г., Калинин голословно заявил, что деньги были у него похищены в трамвае. Эта версия, по мнению Коллегии, является несостоятельной, так как, кроме заявления подсудимого, ничем не подтверждена; между тем, в данном случае «Калинин должен был доказывать свое заявление, а не следственные органы». О краже денег Калинин в органы милиции или директору завода не заявлял и лишь 3 октября доверительно сообщил о мнимой краже сотруднице Крюковой, причем не указал похищенной суммы. Растрата производилась Калининым на протяжении нескольких месяцев, так как он сдал за сентябрь отчет с ордерами, выданными в предыдущие месяцы (январь—август). За предыдущие месяцы Калинин сдавал ежемесячно от 8 до 15 тысяч рублей, за сентябрь же, по заявлению Калинина, он подготовил к сдаче 28 395 руб.; следовательно, в предыдущие месяцы Калинин выручку сдавал не полностью.

Как видно из приведенного выше содержания определения Коллегии—она в качестве одного из основных доводов выдвинула принципиальное положение, которое может быть сформулировано таким образом, что версия обвиняемого может иметь доказательную силу только в том случае, если сам обвиняемый докажет основательность своей версии, и что следственные органы не обязаны сами собирать доказательства в пользу такой версии. Это положение не только не основано на законе, но находится в глубоком противоречии с основными принципами советского уголовного процесса, согласно которым всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. По содержанию и духу советского закона не обвиняемый обязан доказывать свою невиновность, а органы обвинения обязаны доказать правдивость предъявленного обвинения.

Согласно ст. 58 УПК РСФСР объяснения обвиняемого являются одним из видов доказательств, подлежащим исследованию на равных основаниях с другими доказательствами по делу. Закон нигде не ограничивает доказательной силы объяснений обвиняемого какими-либо особыми условиями. В частности, закон не только не возлагает на обвиняемого обязанность доказать свою версию, но, наоборот, согласно ст. 112 УПК РСФСР, следователь обязан направлять предварительное следствие в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела, а ст. 111 того же УПК прямо предписывает следователю выяснить в исследовать обстоятельства, не только уличающие, но и оправдывающие обвиняемого, не только усиливающие, но и смягчающие степень и характер его ответственности. Таким образом, вопреки ошибочному мнению Коллегии, органы следствия не только не освобождались от обязанности собирать доказательства в пользу версии, выдвинутой Калининым, но в силу ст. 111 УПК, обязаны были исследовать эту версию и включить в число доказательств все те обстоятельства, которые эту версию подтверждали, если бы в процессе расследования такие обстоятельства были обнаружены. Обвиняемый же тем более не может считаться обязанным приводить доказательства своей невиновности или виновности в менее тяжком преступлении, что закон рассматривает дачу объяснений или показаний обвиняемым не как его обязанность, а как его право, причем отказ его от этого права не может рассматриваться как обстоятельство, предвещающее вопрос о его виновности (ст. ст. 136, 280, 282 УПК РСФСР).

Что касается других доводов Коллегии, относящихся к анализу фактических

обстоятельств по делу, то они исходят из заранее принятой версии о признании обвинения Калинина в растрате доказанным и основаны главным образом на предположениях.

Как видно из материалов дела, в обязанности Калинина входил отпуск спецодежды непосредственно на складе за наличный расчет и по ордерам отдела снабжения, причем деньги и ордера он один раз в месяц сдавал директору промтоварного магазина. Такой порядок, нарушая постановление СНК СССР от 25 мая 1942 г. № 776, был, однако, введен не Калининым, а задолго до поступления его на работу. Все эти обстоятельства подтверждены показаниями свидетелей Астапова, Крюковой и другими, а равно имеющимися в деле документами. Таким образом, указание Коллегии на неспадку Калининым выручки ежедневно, как на нарушение им установленного порядка, косвенно подтверждающее обвинение его в растрате, находится в явном противоречии с обстоятельствами дела, не говоря уже о том, что если бы такое нарушение и имело место по вине Калинина, то и тогда оно еще не являлось бесспорным доказательством его виновности в растрате, так как для этого необходимо было доказать, что Калинин удержал вверенные ему суммы в свою пользу.

Указание Коллегии на то, что Калинин выдвинул свою версию, чтобы скрыть растрату, ввиду назначенной инвентаризации, является ничем не обоснованным предположением, тем более, что, как видно из показаний директора магазина Астапова и свидетельницы Крюковой, Калинин в конце сентября предупредил их, что на следующий день будет сдавать деньги; трудно себе представить, что Калинин стал бы вести подобные переговоры, зная, что у него деньги находятся в недостатке.

То обстоятельство, что Калинин сразу не заявил о краже денег соответствующим органам власти, также не может служить доказательством обвинения, тем более, что оно могло быть вызвано тяжелым душевным состоянием и опасением предстоящей ответственности; тяжелые переживания Калинина подтверждаются показаниями Крюковой и Калининой, причем последняя дополнительно показала, что Калинин заболел.

Равным образом, не может служить доказательством виновности Калинина и то обстоятельство, что в числе сданных ордеров оказались ордера за прошлые месяцы. Как видно из показаний Калинина, подтвержденных показаниями начальника отдела снабжения Гольдберга и его заместителя Болбагова, в числе ордеров были бессрочные ордера, которые могли быть отоварены в сентябре. В связи с этим Калинин возбудил ходатайство перед судом о проверке, когда фактически были отоварены ордера, выданные до сентября. Это ходатайство было необоснованно отклонено судом. Между тем, самый факт возбуждения такого ходатайства косвенно свидетельствует о правильности показания Калинина в этой части, так как если бы при проверке оказалось, что эти ордера отоварены ранее, то это обстоятельство опровергало бы объяснения Калинина; поэтому, не будучи убежденным в своей правоте, Калинин не стал бы возбуждать подобное ходатайство.

В связи с этим отпадает аргумент Коллегии о значительном разрыве в раз-
мере сумм, сдававшихся за прошлые месяцы, и суммой, подлежащей сдаче на первое октября. Этот разрыв мог получиться в результате того, что за счет указанных ордеров сумма выручки за сентябрь могла значительно превысить суммы, вырученные за каждый из предыдущих месяцев.

Считая по изложенным основаниям обвинение Калинина в растрате недоказанным и учитывая, что по делу с несомненностью установлено халатное отношение Калинина к обеспечению сохранности вверенных ему государственных средств — Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определения судебных коллегий по уголовным делам Верховного суда РСФСР и Верховного суда СССР соответственно от 13 июля и от 2 октября 1946 г. по делу Калинина отменить. Переквалифицировать его действия с ч. 2

ст. 116 УК РСФСР на ст. 111 того же УК, оставив в отношении его без изменения наказание, назначенное ему по приговору, т. е. два года лишения свободы без поражения в правах; равным образом оставить без изменения приговор в части гражданского иска.

12. При расследовании дела важно установить не только роль обвиняемого, как непосредственного исполнителя, но и вопрос о причастности других лиц, особенно в тех случаях, когда имеются данные, что инкриминируемые действия были в той или иной степени вызваны зависимостью исполнителя от этих лиц

Дело Лазарева. Постановление Пленума от 27 декабря 1946.

По приговору народного суда 3-го участка Пролетарского района г. Москвы от 2 апреля 1946 г., оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 16 апреля 1946 г., Лазарев был осужден по ст. 109 УК РСФСР к двум годам лишения свободы без поражения в правах. Протест, внесенный по делу Председателя Верховного суда РСФСР, был отклонен определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 20 июня 1946 г. Равным образом, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 сентября 1946 г. был отклонен протест по делу Председателя Верховного суда СССР.

Лазарев признан виновным в том, что, являясь директором Московской выходящей базы «Главтекстильбыта», он в течение 1944—1945 гг. злоупотреблял своим служебным положением. Получив на базу подарки от «Разноэкспорта», Лазарев не организовал должного контроля за хранением и отпуском этих вещей по назначению, не выделив лиц, ответственных за их хранение, разрешил широкий обмен хороших вещей на плохие, отпускал вещи не по назначению своим родственникам, работникам базы и лицам, не имеющим отношения к базе, и, кроме того, составил 11 актов приемки этих вещей задним числом с подписью лиц, не участвовавших в приемке.

Обсудив протест Председателя Верховного суда СССР, внесенный по данному делу, Пленум находит, что приговор по этому делу вынесен на основе недостаточно исследованных обстоятельств дела. Сосредоточив свое внимание исключительно на личности Лазарева, который по своему служебному положению был непосредственно связан с операциями по учету, хранению и распределению подарков, органы следствия и суд без достаточных оснований рассматривали Лазарева, как единственное лицо, от усмотрения которого зависело полное распоряжение подарками, поступавшими на базу. Между тем, в материалах дела имеются данные, подлежащие дополнительному исследованию и свидетельствующие о том, что в деле распределения и выдачи подарков Лазарев, в значительной части являлся исполнителем распоряжений вышестоящих лиц, которые за все обнаруженные впоследствии ненормальности не только должны разделить ответственность с Лазаревым, но в ряде случаев должны нести даже повышенную по сравнению с ним ответственность, как лица, дававшие те или иные распоряжения Лазареву. При наличии таких данных возложение уголовной ответственности только на Лазарева без достаточно углубленного исследования указанных вопросов не исключает, что в данном случае была извращена перспектива по делу и что фигура Лазарева была без достаточных оснований выдвинута на первый план, тогда как в первую очередь должны были быть выявлены и привлечены к ответственности вышестоящие должностные лица.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор народного суда 3-го участка Пролетарского района г. Москвы от 2 апреля 1946 г. и все последующие судебные определения в отношении Лазарева отменить и дело в этой части передать через Генерального Прокурора СССР на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

13. Судья, принимавший участие в производстве тех или иных следственных действий по делу, не может участвовать в качестве судьи при судебном рассмотрении этого дела

Дело Колосовой. Постановление Пленума от 27 декабря 1946 г.

По приговору народного суда Лево-Россошанского района от 12 мая 1945 г., оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда от 28 июня 1945 г., Колосова была осуждена по ст. 107 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы без поражения в правах и без конфискации имущества.

Колосова признана виновной в том, что, не имея определенных занятий, она систематически скупала в аптеках Воронежа разные медикаменты, которые она с целью наживы перепродавала по повышенным ценам в селах Лево-Россошанского района.

Протест, внесенный по данному делу Председателем Верховного суда СССР в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, был отклонен определением Коллегии от 11 сентября 1946 г.

Как приговор, так и последующие определения по данному делу, подлежат отмене по следующим основаниям: из материалов дела видно, что задержание Колосовой и личный обыск у нее были произведены при участии народного судьи Лево-Россошанского района Мартюхиной, которая подписала протокол. Она же затем председательствовала в судебном заседании народного суда по делу Колосовой и участвовала в постановлении приговора. Поскольку ранее Мартюхина принимала участие в производстве следственных действий по делу, она в силу п. 3 ст. 43 УПК РСФСР не имела права участвовать в качестве судьи при рассмотрении этого дела в суде, которое, таким образом, было рассмотрено при неправильном составе суда. Согласно же п. 1 ст. 415 УПК РСФСР приговор, вынесенный при неправильном составе суда, подлежит безусловной отмене.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор народного суда Лево-Россошанского района от 12 мая 1945 г. по делу Колосовой и все последующие судебные определения по этому же делу отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение в тот же народный суд в ином составе суда.

14. Кассационное рассмотрение дела в отсутствие осужденного или его защитника, не имевших возможности участвовать в рассмотрении ввиду получения ими в суде неправильной справки о дне заседания, является поводом к отмене вынесенного по делу кассационного определения

Дело Корнеева. Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР оставлен в силе обвинительный приговор. Постановление от 22 ноября 1946 г.

Учитывая, что вследствие ошибки одного из работников аппарата Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР осужденный Корнеев и его защитник не были правильно информированы о времени рассмотрения в Коллегии кассационной жалобы Корнеева и поэтому, как осужденный, так и его защитник были лишены возможности представить свои объяснения в Коллегию, рассмотревшую дело в их отсутствие — Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 2 сентября 1946 г. в отношении Корнеева отменить и дело о нем передать на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе с обеспечением возможности Корнееву и его защитнику осуществить право осужденного на защиту.

15. Определение вышестоящего суда об изменении приговора должно быть основано на материалах дела либо на дополнительных материалах, представленных сторонами в вышестоящий суд

Дело Еременко. Постановление от 22 ноября 1946 г.

По приговору военного трибунала Южной ж. д. от 8 февраля 1946 г. Еременко был осужден по п. «а» ст. 206¹⁷ УК УССР к шести годам лишения свободы без поражения в правах, с сокращением срока этого наказания наполовину, в силу амнистии от 7 июля 1945 г.

Еременко признан виновным в том, что, работая мастером 2-го Строительного участка Управления Строительно-восстановительных работ Южной ж. д., он в декабре 1944 г. силами рабочих строительного участка произвел ремонт квартиры главного бухгалтера Харьковской Линейной конторы треста буфетов и ресторанов, получил за эту работу 3 500 руб. и обратил их в свою пользу.

Определением Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 21 мая 1946 г. наказание Еременко было снижено до трех лет лишения свободы с освобождением его от этого наказания в силу Указа об амнистии от 7 июля 1945 г. При этом Коллегия указала на положительные отзывы о трудовой деятельности Еременко в прошлом. Это определение Коллегии является необоснованным, так как в деле нет никаких данных, свидетельствующих о трудовой деятельности Еременко и о положительных качествах этой деятельности; равным образом и к кассационной жалобе не приложено никаких материалов, обосновывающих в этой части выводы Коллегии.

Учитывая, таким образом, бездоказательность мотивов, положенных Коллегией в основу своего определения, — Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Военной железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 21 мая 1946 г. по делу Еременко отменить, передав о нем дело на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. Общая амнистия может быть применена к делящемуся преступлению только в том случае, если виновный задержан или явился с повинной до издания акта об амнистии

Дело Мотовилова. Определение от 25 сентября 1946 г.

Приговором Иркутского областного суда от 25 мая 1946 г. Мотовилов за побег из места заключения осужден на десять лет лишения свободы. Верховный суд РСФСР 21 июня 1946 г. преступление Мотовилова переквалифицировал на ст. 82 ч. 1 УК РСФСР и определил наказание в три года лишения свободы с освобождением от отбытия наказания в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. об амнистии.

Мотовилов признан виновным в том, что он 26 июля 1935 г. совершил побег из места заключения, где он отбывал наказание по приговору Восточно-Сибирского краевого суда от 15 июня 1934 г., осудившего его по ст. 59³ УК РСФСР на десять лет лишения свободы и, скрывая свою судимость, находился в бегах до момента его задержания 24 апреля 1946 г.

Суд приговором по настоящему делу поглотил неотбытый осужденным срок наказания по приговору 1934 г.

Верховный суд РСФСР, изменяя квалификацию преступления, свое определение мотивировал следующим образом: Мотовилов совершил побег из лагеря 26 июля 1935 г., а уголовное дело возбуждено лишь 23 апреля 1946 г., почти 11 лет после совершения побега. До 1943 г. по существу никаких мер к розыску и задержанию Мотовилова принято не было, что видно из производства приобщенного к настоящему делу. В силу ст. 91 УПК уголовное дело должно было быть возбуждено в 1935 г., а в силу ст. 202 УПК расследование по делу должно было быть приостановлено до розыска обвиняемого, а это сделано не было. При возбуждении дела в отношении Мотовилова совершенное им в 1935 г. преступление должно было быть квалифицировано по ст. 82 ч. 1 УК. Никаких материалов о характере, роли и степени участия Мотовилова в совершенном им в 1934 г. преступлении не сохранилось и кроме объяснений самого Мотовилова ничего нет. За время нахождения Мотовилова в побеге в течение 11 лет, он занимался общественно-полезным трудом и преступлений больше не совершал. В период Отечественной войны Мотовилов служил в Красной Армии, участвовал в боях.

Определение Верховного суда РСФСР содержит в себе два недочета, которые должны быть исправлены.

Во-первых, по данному делу ошибочно применена амнистия. Верховный суд РСФСР упустил из виду, что побег—это длящееся преступление, которое оканчивается только в момент явки с повинной находящегося в бегах или поимки его. Преступление Мотовилова, заключающееся в побеге, окончилось только 24 апреля 1946 г., когда его задержали, и поэтому амнистия, предусмотренная Указом от 7 июля 1945 г., к преступлениям, совершенным до ее издания, не могла быть применена к нему. В силу же тех вполне основательных мотивов, относящихся к существу дела, которые привел Верховный суд РСФСР, Мотовилова следовало освободить от наказания за побег на основании ст. 8 УК РСФСР. Второй недочет определения—это то, что Верховный суд РСФСР не обсудил и не разрешил вопроса об исполнении приговора от 25 июня 1934 г., никаких письменных следов которого, как отметил Верховный суд РСФСР, не осталось, но существование которого тем не менее по делу установлено. Следует признать, что по тем же самым мотивам, в силу которых Мотовилов должен быть освобожден от наказания за побег, его следует также освободить от отбывания наказания, назначенного ему по приговору от 15 июня 1934 г.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Верховного суда РСФСР в отношении Мотовилова изменить, в силу ст. 8 УК РСФСР освободить Мотовилова от наказания, назначенного ему по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР за побег, совершенный 26 июля 1935 г., а также от наказания, назначенного ему по приговору от 15 июня 1934 г. по ст. 59 УК РСФСР.

2. Систематические хищения социалистической собственности в крупных размерах подлежат квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Дело Гоманкова и Жукова. Определение от 25 сентября 1946 г.

Гоманков и Жуков, привлекавшиеся к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г., были осуждены Горьковским областным судом с переквалификацией преступления по п. «д» ст. 162 УК РСФСР.

Верховный суд РСФСР приговор, опротестованный прокурором г. Горького в части переквалификации действий Гоманкова и Жукова с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 162 п. «д» УК, оставил в силе.

Гоманков и Жуков признаны виновными в том, что они на протяжении нескольких месяцев похитили три автомашины соли.

Действия Гоманкова и Жукова были правильно квалифицированы на предварительном следствии по закону от 7 августа 1932 г., исходя из крупного размера количества похищенной соли, являющейся нормированным продуктом, систематичности и организованности хищения. Поэтому приговор Горьковского областного суда в части перекалфикации преступления Гоманкова и Жукова на ст. 162 п. «д» УК и определение Верховного суда РСФСР в части отклонения протеста прокурора г. Горького как неправильные подлежат отмене.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Горьковского областного суда в отношении осужденных Гоманкова и Жукова и определение Верховного суда РСФСР в части отклонения протеста прокурора г. Горького отменить и дело в этой части передать на новое судебное рассмотрение в другом составе судей.

3. Статья 164 УК РСФСР (покупка заведомо краденого), предполагая осведомленность покупателя о том, что приобретенные предметы добыты преступным путем, вместе с тем не требует его обязательной осведомленности о том конкретном преступлении, при котором эти предметы были добыты продавцом. Служебное злоупотребление должностного лица, повлекшее хищение социалистической собственности в крупных размерах, подлежит квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

Дело Самойлова, Галеевой и др. Определение от 7 сентября 1946 г.

По приговору Архангельского областного суда были осуждены Старченко и Ляшкевич-Родина по закону от 7 августа 1932 г., Дидковская и Попов — по ст. ст. 17 и 162 п. «д» УК РСФСР. Со всех перечисленных четырех осужденных взыскано солидарно в доход государства 44 022 руб. и со Старченко и Ляшкевич-Родиной в пользу Архангельской базы «Росглавкондитер» — 967 руб.

Тем же приговором оправданы Самойлов, преданный суду по закону от 7 августа 1932 г., и Галеева, преданная суду по ст. ст. 17 и 162 п. «д» УК РСФСР.

Согласно приговору Старченко и Ляшкевич-Родина признаны виновными в том, что в июле 1945 г. после того, как Старченко был уволен с должности начальника ОРСа Архангельского городского отдела местной промышленности, а Ляшкевич — с должности директора столовой № 2 Архангельского треста столовых, где, как указано в приговоре, она совершила крупную растрату, они по взаимному сговору путем представления подложного требования от имени ОРСа Архангельского отдела местной промышленности, а также других подложных документов получили по наряду Архангельского облторготдела с базы областной конторы Росглавкондитер 351 кг кондитерских изделий (конфет разных сортов и печенья), при участии Дидковской Я. М. и Попова П. Ф. (возчика Областного дорожного отдела) скрыли похищенные изделия в помещении конюшни Областного дорожного отдела и затем реализовали их на рынке.

Самойлова, который был предан суду по обвинению в том, что, будучи начальником сектора продовольственных товаров Архангельского областного торгового отдела и находясь в преступном сговоре с Ляшкевич-Родиной, он выдал ей по фиктивному требованию наряд на 300 кг конфет и за это получил от нее 2 800 руб., суд оправдал, признав обвинение недоказанным как построенное на сговоре Ляшкевич и Дидковской и покоящееся на противоречивых показаниях. Что касается второй оправданной, Галеевой, которая была предана суду по обвинению в том, что она по предложению Дидковской продавала на рынке переданные ей Дидковской похищенные кондитерские изделия и по ее собственному признанию продала их на сумму 8 200 руб., из коих 7 000 руб. она отдала Дидковской, а 1 200 руб. оставила в свою пользу, то оправдание ее суд мотиви-

ровал недоказанностью того, что она знала о хищении этих кондитерских изделий.

Этот приговор был обжалован осужденными Старченко, Дидковской и Поповым. С другой стороны, на приговор был принесен протест заместителем Архангельского областного прокурора, который считал неправильным оправдание Самойлова и Галеевой, а также неправильным назначением Дидковской наказания в виде пяти лет лишения свободы, поскольку первоначальным приговором областного суда, отмененному по кассационной жалобе, а не по протесту, наказание Дидковской было назначено в виде четырех лет лишения свободы, и, следовательно, суд в силу ст. 424 УПК РСФСР не имел права при вторичном рассмотрении дела повысить это наказание.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР жалобы Старченко и Попова полностью отклонены, и приговор в отношении их оставлен в силе без изменений, а в отношении Дидковской в приговор внесено изменение, вытекающее из требования ст. 424 УПК РСФСР, т. е. вместо пяти лет лишения свободы ей назначены четыре года лишения свободы, а в остальном ее жалоба также отклонена.

Что касается протеста Прокурора, то в отношении Самойлова приговор был отменен и дело о нем передано на новое судебное рассмотрение, а в отношении Галеевой протест отклонен и приговор о ней оставлен в силе.

Отклоняя протест в отношении Галеевой, Верховный суд РСФСР повторил довод областного суда, т. е. ссылку на то, что Галеева не знала о хищении конфет.

Отмену же оправдательного приговора в отношении Самойлова Верховный суд РСФСР мотивировал несоответствием его обстоятельствам дела, которыми установлено, что Самойлов, вступив в преступную связь с Ляшкевич-Родиной, незаконно выдал ей наряд на 300 кг кондитерских изделий и за это получил от нее 2 800 руб. Что наряд выдан незаконно, подтверждается тем, что он не был проведен по книгам, а получение денег Самойловым подтверждено показаниями Дидковской и отчасти Старченко. Действия Самойлова составляют преступление, предусмотренное ст. 109 УК РСФСР.

Председатель Верховного суда СССР внес по делу протест, в котором указано следующее: суд правильно применил закон от 7 августа 1932 г. в отношении Ляшкевич и Старченко, признанных им виновными в том, что они совершили организованное и сопряженное с подлогами хищение большого количества кондитерских изделий из государственных фондов.

Равным образом, не вызывает по существу возражений и приговор в отношении Попова и Дидковской.

Что касается третьего обвиняемого, преданного суду по закону от 7 августа 1932 г. Самойлова, то следует признать, что суд имел достаточные основания, чтобы отвергнуть как недоказанное предъявленное этому подсудимому обвинение. Суд правильно считал, что не может признаваться доказанным обвинение, которое ни на чем иным не построено, как только на противоречивых показаниях обвиняемых, к тому же заинтересованных в оговоре данного подсудимого. Как указано, Самойлов обвинялся в том, что наряд на кондитерские изделия он выдал вследствие преступного сговора с Ляшкевич и за это он получил от нее 2 800 руб. Утверждение о наличии сговора Самойлова с Ляшкевич основано исключительно на ее показаниях. Ни один из остальных участников преступления не показывал, что им известно было об этом сговоре. В первоначальных показаниях сообщников Ляшкевич даже не упоминалась фамилия Самойлова. Так, Старченко показывал, что Ляшкевич-Родина, отказывая ему в выдаче зырученных от продажи похищенных изделий денег сверх переданных ему 1 100 руб., ссылаясь на то, что помимо оплаты стоимости полученных кондитерских изделий она должна была дать взятки ряду лиц, в том числе 4 000 руб. «работникам» Областного торгового отдела, не указывая,

Бомленность в этом случае иная, чем в случае соучастия в хищении: в то время, как умысел соучастника, направленный на то или иное участие в хищении, необходимо предполагает осведомленность соучастника о том хищении, в котором он в той или иной степени участвует, умысел приемщика заведомо похищенного предполагает лишь осведомленность его о преступном происхождении принимаемого им имущества, а не обязательно о том конкретном преступлении, в результате которого оно добыто. Исходя из этого, надо признать, что в данном деле суд не мог ограничиться установлением того, что Галеева не знала о том хищении кондитерских изделий, в котором участвовала Дидковская, передавая ей эти изделия для сбыта, но должен был обсудить вопрос о том, не должна ли была Галеева считаться осведомленной о преступном происхождении этих изделий.

Собственные показания Галеевой давали достаточно оснований для постановки этого вопроса: судя по тому, что Галеевой известно было о Дидковской, она никак не могла бы предполагать, что Дидковская добыла эти кондитерские изделия в порядке установленного нормированного снабжения ими населения; Галеева сама заявила, что она боялась брать эти изделия от Дидковской, допытывалась от нее, откуда она их добыла. Суд не выяснил даже, какой же ответ, достаточно убедительный, дала ей Дидковская на эти вопросы.

Но наряду и независимо от вопроса об ответственности Галеевой за прием похищенного (согласно показаниям Галеевой и Дидковской первая уплачивала второй определенную сумму, а все, что она выручала сверх этого, оставалось в ее пользу) суд должен был поставить вопрос об ответственности ее за тот самый сбыт кондитерских изделий, которым она занималась и который суд назвал «продажей на комиссионных началах». Суд должен был учесть, что закон запрещает всякого рода частную торговлю (скупку-перепродажу) и торговое посредничество (правила регистрации кустарных и ремесленных промыслов, утвержденные Совнаркомом СССР 26 марта 1936 г.) и что скупка-перепродажа кондитерских изделий, которой по существу занималась Галеева, есть не что иное, как спекуляция этими изделиями. Если бы даже суд признал, что по объему совершенных действий нет достаточных оснований для применения в данном случае ст. 107 УК РСФСР, то во всяком случае Галеева должна была бы нести ответственность за незаконную торговлю по ст. 105 ч. 1 УК.

Ввиду изложенного и учитывая, что преступная деятельность лиц, занимающихся приемом похищенного и всякого рода торговлей незаконно добытыми и товарами, представляет собою опасность, как деятельность, способствующая хищениям социалистической собственности, и суд должен вести неуклонную борьбу с такого рода деятельностью, надо признать, что суд поступил неправильно, оправдав Галееву по ст. ст. 17 и 162 п. «д» УК и не поставив вопроса об ответственности ее за прием похищенных кондитерских изделий и незаконную торговлю ими. Обращаясь к определению, вынесенному по данному делу Верховным судом РСФСР, надо в соответствии с вышеизложенным признать, что он правильно отклонил жалобы осужденных и оставил в силе приговор о них с вытекающим из требования ст. 424 УПК РСФСР изменением в отношении Дидковской.

Что же касается протеста, то прежде всего надо отметить, что Коллегия незаконно приняла его к своему рассмотрению: протест был принесен с пропуском установленного законом срока (ст. 400 УПК РСФСР) и этот пропущенный срок не только не был в установленном законом порядке восстановлен областным судом, вынесшим приговор, но даже ходатайство о восстановлении его с указанием уважительных причин пропуска заявлено не было. Неправильно приняв протест к своему рассмотрению, Коллегия вместе с тем неправильно удовлетворила его в отношении Самойлова и неправильно стклонила в отношении Галеевой.

В отношении Самойлова единственным новым доводом является ссылка Коллегии на то, что Самойлов незаконно выдал наряд на кондитерские изде-

лия. Между тем, это утверждение не соответствует данным дела: заместитель заведующего Архангельским областным торговым отделом Степанов, который подписал этот наряд как в своих письменных сообщениях органам расследования, так и в показаниях суду подтвердил, что выдача этого наряда была законна и что он был затем подтвержден квартальным нарядом. Доказательство незаконности наряда Коллегия находит в том, что он не был проведен по книгам. Речь идет очевидно о том, что на нем не было поставлено номера и он не был зарегистрирован. Это обстоятельство было подробно расследовано и из показаний служащей Областного торгового отдела Смыковой видно, что это произошло по ее вине и что Самойлов никакого отношения к этому не имеет.

Вместе с тем надо отметить, что Коллегия впала в противоречие с своими собственными мотивами, предлагая квалифицировать действия Самойлова по ст. 109 УК РСФСР, как служебное злоупотребление: если Самойлов, как утверждает Коллегия, вследствие преступной связи с Ляшкевич, иными словами в силу сговора с ней, незаконно выдал ей наряд на кондитерские изделия, то, поскольку, согласно наряду эти изделия предназначались не для частного лица — Ляшкевич, а для государственной организации — ОРСа Архместпрома, выдача наряда при таких условиях означала бы незаконное изъятие этих кондитерских изделий из владения государства, т. е. хищение их, и, следовательно, Самойлов должен был бы рассматриваться как участник хищения этих изделий.

С определенным Коллегии в отношении Галеевой нельзя согласиться по вышеприведенным мотивам.

Ввиду изложенного и учитывая, что нецелесообразно в третий раз направлять дело в отношении Галеевой на новое рассмотрение, Председатель Верховного суда Союза ССР считал необходимым отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Самойлова и Галеевой, приговор Архангельского областного суда в отношении Самойлова оставить в силе, в отношении же Галеевой приговор отменить и дело о ней дальнейшим производством прекратить в силу ст. 8 УК РСФСР.

Коллегия протест удовлетворила.

4. Хищение чужого имущества, хотя и начатое тайно, но сопровождавшееся затем применением насилия к лицу, взявшему на себя защиту имущества от похищения, должно квалифицироваться не как кража, а, в зависимости от обстоятельств дела, как грабеж или разбой. Умышленное повреждение имущества из хулиганских побуждений должно квалифицироваться по совокупности как хулиганство и умышленное повреждение имущества. Предмет, единственное назначение которого заключается в причинении телесных повреждений, должен рассматриваться как оружие, изготовление и хранение которого без разрешения подлежит квалификации по ч. 4 ст. 182 УК РСФСР.

Дело Юткина. Определение от 27 июля 1946 г.

[Извлечение]

Юткин был осужден народным судом 1-го участка Ефремовского района, Тульской области по ч. 2 ст. 165 УК РСФСР на два года лишения свободы, по ч. 4 ст. 182 УК РСФСР на пять лет лишения свободы, а по совокупности преступлений на пять лет лишения свободы.

Юткин признан виновным в том, что 23 июля 1945 г. он, зайдя с группой подростков в сад артели инвалидов в г. Ефремове с целью хищения ягод и малины, стал в присутствии сторожей сада Байбакова и Брискина рвать ягоды и ломать кусты малины, а когда эти сторожа подошли к нему, то он нанес им удары, при этом Байбакова он ударил по голове свинцовой перчаткой, надетой на руку, и причинил ему легкое телесное повреждение. После задержания

Юткина обыском, произведенным в доме, где он проживал, была обнаружена свинцовая перчатка, которая служила орудием преступления.

Тульский областной суд приговор оставил в силе.

Верховный суд РСФСР по протесту Председателя этого Верховного суда приговор изменил, действия осужденного с ч. 2 ст. 165 УК переквалифицировал на ст. 19—162 п. «г» и на ч. 2 ст. 143 УК. В части же осуждения Юткина по ч. 4 ст. 182 УК приговор отменил и дело в этой части производством прекратил.

Переквалификация преступления с ч. 2 ст. 165 на ст. 19—162 п. «г» и ч. 2 ст. 143 УК мотивирована тем, что в действиях осужденного нет признаков открытого похищения чужого имущества, а установлено лишь, что он пытался тайно похитить фрукты из сада артели и нанес сторожу легкое телесное повреждение без расстройства здоровья.

Отмена приговора в части осуждения Юткина по ч. 4 ст. 182 УК мотивирована тем, что обнаруженная у осужденного свинцовая перчатка не может рассматриваться, как холодное оружие. Верховный суд РСФСР неправильно разрешил вопрос о квалификации действий, совершенных Юткиным, в саду артели инвалидов. Квалифицируя эти действия как покушение на тайное хищение ягод в саду с последующим причинением легкого телесного повреждения сторожу сада, пытавшемуся пресечь их, Верховный суд РСФСР оказался еще более далеким от правильной перспективы по делу, чем народный суд, который рассматривал эти действия, как открытое с целью хищения ягод нападение на сад артели инвалидов, сопряженное с насилием над сторожем, охранявшим этот сад.

Верховный суд РСФСР упустил из виду, что хищение даже если оно началось как тайное превращается в открытое с того момента, когда преступник в связи с производимым им хищением совершает насилие над лицом, охраняющим похищаемое имущество. С другой стороны, нельзя сводить к простому преступлению против личности насилие, совершенное похитителем государственной или общественной собственности над лицом, охраняющим эту собственность, направленное против него, именно как лица, охраняющего эту собственность.

Вместе с тем ошибка Верховного суда РСФСР, которую допустил также народный суд, заключается и в том, что тот и другой не только придали неприсущее им в данном деле решающее значение признакам хищения имущества артели, содержащимся в действиях осужденного, но и совершенно обошли те признаки, которые характеризуют действия Юткина, как злостное хулиганство и повреждение общественного имущества.

Работники сада, допрошенные в качестве свидетелей, показали, что события 23 июля 1945 г. вовсе не были единственным случаем, когда Юткин совершал подобные преступные действия в саду артели инвалидов. Свидетели показывают, что он и до и после этого случая появлялся в этом саду один или вместе со своими товарищами и, не стесняясь присутствия работников сада, рвал и ломал кусты ягод, рвал цветы, а на предупреждения работников сада отвечал нецензурной бранью и угрозами насилием. Об этом показали бригадир Комарова, сторож сада Калашникова, заведующий садом Меньшиков. В самом акте, составленном по случаю события 23 июля, указано, что Юткин со своими товарищами ежедневно делает нападения на сад и угрожает избиванием тем, кто его выгоняет из сада.

Эти данные свидетельствуют о том, что не только с точки зрения общественной опасности действий, но даже того материального ущерба, с которым они были связаны, решающее значение для квалификации преступления должны были иметь содержащиеся в этих действиях признаки злостного хулиганства и повреждения общественного имущества. В соответствии с этим действия Юткина следовало квалифицировать по ч. 2 ст. 74 и ч. 2 ст. 79 УК РСФСР.

Определение Верховного суда РСФСР неправильно также в части исключения обвинения Юткина по ч. 4 ст. 182 УК. Оно основано на ошибочном утверждении, что свинцовая перчатка не может рассматриваться, как холодное оружие, изготовление, ношение и хранение которого без разрешения влечет уголовную ответственность по ч. 4 ст. 182 УК. Не подлежит сомнению, что свинцовая перчатка является оружием, так как назначение этого предмета и при том единственное назначение его — это служить средством поражения человека путем причинения ему телесного повреждения. Сомнения могли бы возникнуть только в связи с тем, что в ч. 4 ст. 182 УК, так же как и в союзном законе, на котором она основана (постановление ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 г.), указано, что запрет относится к кинжалам и финским ножам и тому подобному холодному оружию. Было бы однако неправильным понимать слова «тому подобному» в том смысле, что они относятся к такому признаку финских ножей и кинжалов, как их режущие или колющие действия и на этом основании считать, что закон устанавливает этот признак как общий для всех видов запрещенного холодного оружия и, следовательно, запрещенным является только такое оружие, которое, как финский нож или кинжал, режет или колет.

Такое ограничительное толкование этого текста противоречило бы смыслу закона, направленного, как указано в постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 г., на борьбу с явлением хулиганства с применением огнестрельного и холодного оружия. Указанной цели противоречило бы исключение из запрета всякого иного оружия кроме режущего и колющего в то время, как такие виды не колющего и не режущего оружия, как например свинцовая перчатка, являются специальным оружием, которым обычно и пользуются в преступных целях и при том главным образом в хулиганских нападениях. Поэтому следует признать, что слова «тому подобное» имеют в виду не такой частный признак, как режущее или колющее действие оружия, а более общий признак, отличающий все виды холодного оружия от огнестрельного оружия и заключающийся в том, что поражающее действие холодного оружия в отличие от огнестрельного достигается непосредственным воздействием специально приспособленной поверхностью оружия на тело поражаемого человека.

Цена 1 руб.

СПБГУ

N0122268

ЮФ СПБГУ